

0- 777726

На правах рукописи

Васюков Олег Валерьевич

**Практическое познание
в классической и неклассической
эпистемологии**

09.00.01 Онтология и теория познания

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Киров – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Вятский государственный гуманитарный университет» на кафедре философии и социологии

Научный руководитель	доктор философских наук, профессор Юлов Владимир Фёдорович
Официальные оппоненты:	доктор философских наук Фатенков Алексей Николаевич (ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского») кандидат философских наук, доцент Михайлов Андрей Евгеньевич (ГОУ ВПО «Кировская государственная медицинская академия»)
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Вятская государственная сельскохозяйственная академия»

Защита состоится 27 июня 2009 г. в 12.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» <http://www.vshu.kirov.ru>

Автореферат разослан «26» мая 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000558077

Ученый секретарь
диссертационного совета

Поспелова Н. И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития мировой цивилизации отличается повышенной рефлексией в отношении способов познания. Прошли те времена, когда предметом исключительного внимания была наука. Конечно, для техногенного общества она остается главной магистралью исследовательского поиска. Научное познание обладает специфическими особенностями, делающими данный тип незаменимым и перспективным. И все же не только одной наукой жив современный человек. Кроме нее существуют те типы познания, которые, собственно, и породили саму науку, – практика и мировоззрение.

Значимость практического познания очевидна, благодаря ему homo sapiens оторвался от животного мира и стал выстраивать культуру как в себе, так и вне себя. В различных социальных формах практика прошла через всю историю человечества. Она началась с изготовления простых ручных орудий в рамках собирающей экономики. Затем произошла неолитическая революция, существенно усложнившая содержание трудовой деятельности и положившая начало феномену разделения и специализации труда. На этих основаниях возникла рабовладельческая культура, перешедшая позднее в средневековое общество. Капитализм отличился тем, что обусловил появление машинной техники, для изготовления которой с конца XIX века подключилась наука. Когда речь идет о современной техногенной цивилизации, ее характеризует союз науки и практического познания.

Практика – это не только производство благ и прогресс техники, но и развитие человека, преобразование общества. Данная область деятельности чрезвычайно разнообразна и соответственно представлена многообразием практических форм. Большинство традиционных и современных профессий является практическими: врач, воин, учитель и т. п. Их деятельность основана на практическом познании, и от его качества зависят все ведущие аспекты нашей жизни.

Степень разработанности проблемы. Данная тема проходит через всю историю философии и науки. Диссертационное исследование учитывает основные этапы рефлексии практического познания. Начало положили древние философы, среди которых выделяются китайские мудрецы: Лао-цзы и Конфуций. На фоне их высказываний интересно отношение к практике со стороны древнегреческих мыслителей – Платона и Аристотеля. Тема единства практики и познания активно обсуждалась представителями классической немецкой философии. И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель рассмотрели важнейшие аспекты морально-практических поступков, соотношения воли и разума, «хитрости разума» в трудовой деятельности. Взаимосвязь практики и познания, революционного преобразования и философии стала основополагающей концепцией философии марксизма – ленинизма. Все это стало предметом диссертационного анализа. Важный вклад в данную тему внесли классики американского прагматизма Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи.

В диссертационном исследовании их творчеству уделено значительное внимание, и проведен сопоставительный анализ с марксизмом. Кроме того, учтено своеобразие вклада представителя американского неопрагматизма Р. Рорти, попытавшегося привить идеи постмодернизма к прагматическому учению.

Практическое познание изучается и осмысливается рядом современных отечественных и зарубежных школ и отдельных философов. Общие аспекты человеческой деятельности обстоятельно представлены в работах И. С. Алексеева, В. С. Батищева, Д. Бэкхерста, Л. П. Буевой, М. С. Кагана, Т. Котарбинского, Т. М. Дридзе, В. А. Лекторского, А. Н. Леонтьева, К. Г. Рожко, Дж. Серла, В. И. Слободчикова, Л. Николова и др.

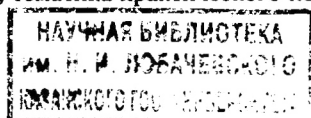
Проблематика трудовой практики и практического интеллекта успешно обсуждается в работах А. Валлона, Т. С. Васильевой, И. Г. Гавриленко, Е. И. Гарбера, В. Е. Кемерова, Т. Котарбинского, Ю. К. Корнилова, Д. Лукача, Л. Нуаре, Р. Стернберга, Th. Y. Palloy, Г. П. Щедровицкого и др.

Важным аспектом практического познания является практический или эмпирический опыт. Его аналитическое описание, рассмотрение особенных форм, связанных с обыденной жизнью, производством и наукой, представлено в исследованиях Г. С. Арефьевой, Н. С. Автономовой, Л. М. Андрухиной, Р. Арнхейма, Г. Башляра, Р. Дж. Бернштейна, В. Н. Борзова, Г. Бейтсона, Э. Гуссерля, Дж. Гибсона, В. П. Зинченко, Ж. Делеза, М. Куртца, И. И. Лапшина, Э. Лаклау, В. С. Лекторского, У. Матураны, К. Нельсена, Е. Нейтдела, Дж. Серла, М. Полани, Г. Райла, К. Хюбнера, С. П. Щавелева, М. Фейербенкса, В. Ф. Юлова и др.

Необходимым компонентом практического познания выступает практическое мышление, реализуемое в техническом изобретательстве, производственном управлении и других сферах деятельности. Его отличительные признаки обсуждаются в работах Ф. Р. Анкерсмита, Г. С. Альтшуллера, В. Г. Афанасьева, Э. де Боно, Н. Белнака, М. Вертгеймера, Д. Дернера, Дж. Гилфорда, R. Glaser, Y. P. van de Green, Г. Б. Клейнера, Л. А. Микешинной, В. А. Моляко, Y. A. Nonaka, Н. Ф. Овчинникова, Дж. Остина, Ж. Пиаже, Р. Стернберга, М. Холодной, В. Ф. Юлова и др.

Весьма интересный аспект темы являет связь практического познания с наукой. С той или иной степенью полноты он рассмотрен и проанализирован в публикациях Г. С. Альтшуллера, Э. Агацци, А. В. Ахутина, М. Бунге, Г. Бейтсона, Дж. Брунера, Р. Будона, М. Блауга, П. П. Гайдено, С. С. Гусева, Н. Гудмена, В. Г. Горохова, Д. И. Дубровского, Д. Дернера, А. А. Ивина, В. П. Иванова, П. Л. Капицы, И. Т. Касавина, Т. В. Корнилова, В. Н. Липского, Ст. Лема, Н. Н. Моисеева, С. Н. Смирнова, М. А. Розова, Х. Патнема, Б. И. Пружинина, Г. Парсонса, М. К. Петрова, Р. Рорти, Р. Солсо, В. С. Степина, А. Страусса, В. Д. Симоненко, Б. А. Старостина, М. Фуко, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, И. Л. Честнова, В. Ф. Юлова и др.

И все же, несмотря на наличие значительного пласта научно-философской литературы, тематика практического познания далека от всестороннего

и обстоятельного освещения. Явно страдают неполнотой некоторые аспектные вопросы. Так, проблематике практического опыта не хватает единой схемы работы интеллекта, которая могла бы интегрировать и объяснить типичные формы и проявления: ощущение, восприятие, представление. Отсутствует общая концепция форм индивидуального опыта, не совсем ясно понимание эмпирической интуиции и ее связи с накопленным когнитивным опытом. В отношении практического познания существует очень мало фундаментальных работ. Можно указать книгу: Щавелев С. П. Практическое познание: философско-методологические очерки. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. Но уже слово «очерки» весьма точно указывает на характер этой работы. К разряду монографий ее отнести нельзя, она публицистична и по стилю близка к философской популяризации. Все это вместе взятое делает настоящее исследование необходимым.

Объектом исследования является практическое познание в многообразии его форм существования и действия.

Предметом исследования выступает практическое познание как особый тип изучения, отличающийся от мировоззренческих духовных оценок и научного поиска.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные подходы в понимании практического познания и выработать современную и оптимальную идейную основу гносеологической праксеологии.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить основные трактовки практического познания, типичные для классической гносеологии;
- 2) дать анализ концепций практического познания, характерных для неклассической эпистемологии;
- 3) представить практическое познание как единство эмпирического опыта и практического мышления;
- 4) установить основные формы взаимосвязи практического познания с мировоззрением и наукой.

Методологические и теоретические основания работы. Стратегию исследования составили идеи В. А. Лекторского, В. С. Степина и Л. А. Микешиной о различии классической и неклассической эпистемологии. Они помогли ориентироваться в сложном и запутанном материале истории философии и истории гносеологии. В качестве теоретической базы была взята концепция В. Ф. Юлова о четырех типах познания (познание животных, практика, мировоззрение, наука). В трактовке сути практического познания мы руководствовались его же концепцией технологического действия интеллекта.

Для достижения цели и решения задач диссертант использовал следующие методы философско-научного исследования: сравнительно-аналитический метод (для понимания материала истории гносеологии); метод историко-философской реконструкции (выявление позиции того или иного мыслителя, школы); метод построения эпистемологических схем (трактовка опыта, интуиции, практического мышления).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Из синкретического материала истории философии выделены классические учения, выразившие типичные и вместе с тем специфические особенности практического познания.

2. Проведены оценка и анализ ведущих концепций, представляющих современную неклассическую праксеологию.

3. Раскрыта базисная структура практического познания в виде эмпирического опыта и практического способа мышления, аналитически представлены основные элементы опыта и мышления, прослежены схемы их взаимодействия.

4. Выявлены основные формы влияния мировоззрения и науки на практическое познание, эти детерминации показаны на модельных примерах.

Положения, выносимые на защиту:

1. В этнически и исторически разных философских учениях понимание практического познания различно. Если древнекитайские мыслители дали ему безусловно положительную оценку, то одни античные философы (Платон и др.) считали, что познание не совместимо с практикой, другие (Аристотель) признали определенную познавательную значимость практического опыта. Если марксисты сделали упор на общесоциальной познавательной роли практики, то прагматизм исследовал место практического познания в жизни индивида.

2. В неклассической эпистемологии практическое познание стало предметом рефлексии со стороны чилийской школы биологической теории познания. У. Матурана и Фр. Варела разработали оригинальную концепцию эмпирического опыта: а) познание встроено во все структуры тела; б) оно включено в конкретную физическую, биотическую и социокультурную среду; в) опыт познания осуществляется в действии и через действие; г) опыт реализуется спонтанно и произвольно в ходе самоорганизации жизни.

3. Неклассической является и кибернетическая теория познания Г. Бейтсона, основанная на синтезе научных и философских идей. Ключевую роль здесь играют понятия паттерна как упорядоченной и избыточной структуры и информации как структуры различий. Эти образования реальности и выступают главным предметом познания. В состав совокупного разума входят сознание, тело, орудия, некоторые природные и социальные объекты с учетом их паттернов и информационных контуров. Гибкость познавательному опыту придает оптимальное соотношение целесообразного сознания и системы бессознательных контуров (неявного знания, привычек тела, экосреды).

4. Практический опыт есть исходная и базисная форма практического познания. Его сущностными признаками являются: а) знания «из первых рук»; б) когнитивные итоги того, что прожито и пережито; в) единство сенсорных знаков и рациональных значений; г) союз знания-что и знания-как; д) интеграция способностей тела, психики и интеллекта; е) основные масси-

вы опыта формируются и действуют непреднамеренно (без предварительной цели); ж) лишь часть личного опыта через словесный язык становится социальным достоянием.

5. При всех своих достоинствах опыт негибок, некритичен и малоэффективен в новых ситуациях. Эти недостатки компенсирует практическое мышление, строящееся на определенной осознанности, расчете и элементах логики. Его первым актом выступает постановка практической задачи, где оценивается проблемная ситуация и выделяется затруднение в виде факторов, препятствующих достижению целевого блага. Следующий акт состоит в принятии решения. Практик тут ищет метод в виде ряда идей-представлений, находит соответствующие правила (рецепты, эвристики) и все это объединяет в план-программу. Посредством ее задача решается, и на правильность указывает появление нужного блага.

6. Основная ценностная установка практического познания – обеспечение жизненных благ. Однако в своих средствах достижения оно сочетается с другими типами познания. Если брать гуманитарные практики – школьное обучение, правовое поведение, медицинское дело и т. п., то здесь превалирует влияние мировоззрения. Его духовные ценности определяют стратегию выживания/запрета конкретных практик, дают экспертизу их технологий (уместность/опасность биотехнологии в сельском хозяйстве, биотика в медицине и т. п.). Современные технические практики являются формами конкретизации знаний фундаментальных наук по цепочке: прикладные исследования – инженерные разработки – техническое конструирование – реализация проекта.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Идеи данной диссертационной работы имеют дальнюю перспективу. Без ясного понимания человеческой практики и практического познания нельзя по достоинству оценить познание животных и неутилитарные типы поиска человека (мировоззрение, наука). Намечается тенденция создания такой эпистемологии, которая способна охватить все существующие способы познания. В этом проекте у гносеологической праксеологии забронировано свое очень важное место. Почти во всех учебных пособиях в разделе «Теория познания» тема, посвященная практическому познанию, отсутствует. Пора эту несправедливость ликвидировать и сравнивать науку с утилитарным поиском. Автор надеется, что в ближайшем будущем можно будет очертить контуры такого направления, как «гносеологическая праксеология».

Апробация исследования. Основные положения диссертационного поиска отражены в авторских публикациях, они докладывались и обсуждались на X межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук» (Киров, февраль 2009 г.), на I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна» (Киров, март 2009 г.), а также обсуждались на заседаниях методологического семинара аспирантов и соискателей кафедры философии и социологии ВятГГУ.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения и библиографического списка, содержащего 216 наименований. Объем диссертации 189 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуются состояние и степень ее теоретической разработанности, формулируются цель и задачи исследования, указываются его методологические и теоретические основания, представляются основные результаты исследования.

Первая глава «**Классическая гносеология о сущности практического познания**» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «**Древнекитайское мировоззрение о гармоничном союзе практического опыта и теоретической мысли**» речь идет о позиции древнекитайских мыслителей, для которой характерна идея единства любых противоположностей. Лао-цзы был убежден в том, что Дао сопрягает в себе все противоположности. И если это так, то в малом всегда заключено большое и великое. Жизнь каждого человека протекает в ограниченном мире, в этих пределах познается какая-то группа вещей, и такое знание становится жизненным опытом. И всё же узкое окно способно быть проходом ко всему миру (в малом содержится большое). Конечно, наличие практического опыта есть необходимое условие философского познания, но само по себе оно еще не достаточно. Если опыт образует предмет творчества (исходное сырье), то орудием его преобразования должна была быть философская мысль, способная частное превратить во всеобщее.

Примечательно то, что тексты всех древнекитайских мудрецов, по сути дела, сводятся к набору афоризмов. Стиль кратких изречений весьма близок стилю народных поговорок и пословиц, которые образуют высший слой народного практического опыта. Нетрудно догадаться о том, что сделали китайские философы. Часть народной ментальности они сохранили в первоизданном виде, остальной массив был подвергнут дальнейшему обобщению. К примеру, Лао-цзы указывает на бытовые факты посуды, на помещения, имеющие пустотность, и затем формирует идею пустотности Дао. Такая связь очевидных фактов и философских обобщений выступает типичным приемом всех китайских мыслителей.

Весьма значима роль «Книги Перемен», она сложилась как выражение древнейшей деятельности человека – гадательной практики. Все гексаграммы представляют собой символы той или иной жизненной ситуации, которые разворачиваются во времени. Каждый афоризм дает краткую характеристику этой ситуации, того или иного этапа в ее развитии. Все это вместе с советами (что делать) дано не в форме точных понятий, а отражено размытыми и неопределенными образами. Здесь господствует язык намекающих символов, предполагающих действие воображения и интуиции. Кроме того,

часто встречаются стандартизированные формулы. К примеру, «благоприятен брод через великую реку», что означает – ситуация предрасполагает к какому-нибудь крупному предприятию.

Связь афоризмов друг с другом необходимо рассматривать как конкретизацию семи основных идей: 1) мир представляет собой единство изменчивости и неизменности; 2) мировое движение осуществляется через смену доминирующих противоположностей; 3) прошлое влияет на настоящее, в котором уже пребывают «ростки» будущего; 4) внутреннее и внешнее способны взаимодействовать бесконфликтно; 5) если практическая деятельность пронизана разумным осмыслением, то она гармонично вписывается в ритмику бытия; 6) между индивидом и обществом возможны гармонические отношения творчества и добра; 7) благодаря выдержанному единству абстракций и конкретности описаний ситуаций достигается гибкая эффективность гадательной системы. В этих положениях, по сути дела, представлены идеи даосизма и конфуцианства. Следует признать, что их творцы так или иначе отрефлексировали содержание «Книги Перемен». Опыт гадательной практики лежит в основе китайской философии.

Все древнекитайское познание пронизано практическим духом. Если конфуцианство выразило моральные установки практического разума на образ жизни «благородного мужа», то все остальные школы реализовали практичность в косвенных формах. Итак, в древнекитайской культуре практическое познание оказалось доминирующим. Все виды поиска осуществлялись ради получения жизненных благ. Все мировоззренческие теории возникали в русле развития и осмысления опыта бытовой, хозяйственной, военной и политической практики.

Во втором параграфе **«Практическое искусство и теоретический разум: античные концепции противопоставления и единства»** представлены точки зрения древнегреческих мыслителей. Если китайское Дао никак не отгорожено от человека, то уже Парменид ввел оппозицию «умопостигаемое бытие – чувственные явления». Эту линию онтического разделения и противостояния довел до классической схемы Платон. В его онтологии фигурируют два бытия: идеальный мир (эйдосы, души, геометрические фигуры) и материальный мир (первозлементы, материя – хора, космос). Онтологический дуализм определил познавательный дуализм, предполагающий оппозицию «эмпирический опыт – теория», где второе выше первого. Все, что связано с практической деятельностью, греческие мыслители обозначили термином «искусство» (греч. *techne* – искусство, мастерство). Его смысл приобрел сложный и синкретический характер, но самое главное, он получил четкую и явную оппозицию в виде понятия «теоретическое познание». Если последнее приобрело все позитивные характеристики, то негатив достался искусству как практике. Древнегреческие философы создали уникальную ситуацию, где словесный разум стал цениться намного выше материальной деятельности и экономического успеха. Но, как свидетельствует народная мудрость, нет худа без добра. Хотя практика-искусство была по значимости

принижена, она невольно стала предметом философского осмысления. Мыслители были вынуждены сравнивать искусство с формами философского и научного разума, выделять у него отличительные свойства. Только так можно было подчеркнуть достоинства созерцательного познания. Парадоксально здесь то, что ценностное принижение практики произошло за счет ее внимательного анализа. Хотя китайские мыслители высоко оценили познавательные возможности трудового опыта, его рефлексией они не занялись, считая его достоинства самоочевидными.

Самым острым критиком «искусства» оказался Платон, который дал одну из самых богатых характеристик практики и опыта. Сравнение познания с искусством проходит через всё его творчество. Искусство как практика у него соотносится с чувственными мнениями, которые уступают рациональным знаниям, ибо ограничиваются впечатлениями конкретных предметов и представлены многообразием ощущений и восприятий. Хотя мнения далеки от знания эйдосов, их содержание обслуживает различные искусства – ремесла, врачевание, охоту, управление колесницей и кораблем. Не является здесь исключением и риторика как искусство убеждать народ словом. Если у богов все их искусства являются чистым творчеством, то у человека все искусства делаются ради пользы и корысти. Из рассуждений Платона с должной переоценкой вытекают следующие характеристики. Как сторона практики практическое познание осуществляется ради жизненных благ. Его основным содержанием выступают формы эмпирического познания: ощущения, восприятия и словесные представления (мнения). Если эти образы вещей истинные, то практика успешна, ее неудача свидетельствует о заблуждениях. Если виды искусств многообразны, то и знания, их обеспечивающие, также разнообразны. Основной практики может быть теория, такой союз демонстрируют риторика и политика.

Аристотель критически отверг платоновский рационализм и теоретизм, противопоставив им идею союза чувственности и ума. Если любая единичная вещь есть субстанция – сущность, то ее познание с необходимостью начинается с ощущений и восприятий. Эмпирическое познание ценно тем, что только через него душа способна фиксировать отдельные объекты и тем самым отражать конкретное единство формы и материи. Налицо важный, но лишь исходный этап познания. В дальнейшем ощущения и восприятия становятся предметом, в котором интеллект отвлекается от образов материи и выделяет знание чистой формы. Оно получило название «понятие» и является основной единицей теоретического мышления.

Одним из первых Аристотель наметил анализ внутренней структуры практики и определил в ней место и роль познавательных элементов. Первичной предпосылкой он признал чувственные восприятия, определяющие научение и сообразительность. Человека влечет к чувственным образам независимо от того, есть от них польза или нет. Здесь особо выделяются зрительные восприятия, их ценят ради них самих, ибо зрение больше всех других чувств содействует познанию вещей. Когда же речь заходит о практической деятель-

ности, то ощущения и восприятия направляют наши действия на те вещи, изменения которых нам необходимы. Если бы гончар не ощущал своими руками сопротивление и податливость глины, он вряд ли бы смог придать ей такие прекрасные формы. Благодаря тому, что ощущения и восприятия являются непосредственными образами или знаниями единичных предметов, они выполняют роль направляющих и регулирующих начал любого ремесла.

Развитие восприятий ведет к становлению эмпирического опыта (греч. *empeiria* – опыт). Решающую роль здесь играет память, она закрепляет образы в душе, делая их воспоминаниями о тех вещах, с которыми когда-то контактировали органы чувств. Принципиальной разницы между ощущениями, восприятиями и опытом нет, первые и являются содержательными единицами опыта. Если они суть знания единичного, то лишь за счет их отражается его специфика. Различие у них сводится только к количественному объему. Каждое восприятие фиксирует какое-то определенное свойство предмета, комплекс же многих образов одного и того же предмета образует опыт. Последний и определяет мастерство практика, имеющего дело всегда с чем-то единичным. Так, врач лечит не человека вообще, а вполне определенного Каллия или Сократа. Если он неопытен, то устранить болезнь он не сможет. Только опыт способен создать искусство. Оно появляется тогда, когда из многих образов опыта «образуется один общий взгляд на сходные предметы». Такое представление есть знание общего, но оно разительно отличается от отвлеченного знания наук.

Важным достоинством искусства Аристотель считал его способность к передаче другим людям. Этого свойства у опыта нет. Так, ремесленники обладают ценным опытом создания тех или иных вещей, но научить других своему мастерству они не способны. Их деятельность строится на привычных ощущениях и восприятиях, эти образы опыта нельзя оторвать от тела. Совсем другое дело – искусство. Если знаток им владеет, то значит, он обладает отвлеченным знанием. Общие представления не привязаны к телу, они выражены словами, и за счет них они передаются другим индивидам. Вот почему знатоки искусства одновременно являются наставниками, они способны учить других. Наставник мудрее опытных ремесленников.

Искусство Аристотель противопоставлял природе. Здесь он разделял общее для всех греков мнение. Природа есть то творческое начало, которое заключено в самих вещах, это их способность придавать разнообразные формы своему материальному субстрату. Искусство – это не природа. Все виды искусства изобрел человек, и к этому его подтолкнули жизненные потребности. Успешное искусство без познания природы невозможно. Если знаешь, какие формы и каким способом можно придать их тому или иному вещественному материалу, то задуманное произведение может появиться на свет. Познание открывает человеку дорогу к творческому подражанию природе, использованию ее потенций для своих нужд. Однако человек изобрел такое искусство, где он уже не подражает природе (как это делается в ремеслах). Речь идет о социальной деятельности и моральных поступках.

Итак, Аристотель разработал широкую и глубокую концепцию соотношения практики и познания. Он первым из античных философов реабилитировал эмпирический уровень познания и действия. У него появилась весьма конкретная дифференциация форм: ощущение и восприятие – опыт (*empeiria*) – вероятное мнение (*doxa*) – искусство ремесла – искусство нравственной (добродетельной) жизни – практические науки. Последующие мыслители принимали в расчет эти звенья.

В третьем параграфе «Марксизм об определяющей роли общественной практики в познании» проведен анализ одной из влиятельных концепций. Он начинается оценкой позиции Гегеля, ее суть сводится к идеалистической диалектике труда. «Хитрый разум» развивается по своеобразной триаде. Сначала разум для обработки предмета выставил орудие, что породило стадию простого собирательства (охота и т. п.). Затем дух нашел еще одного посредника – раба, отношения раба и господина еще более отдалили разум от природы. Развитие труда продолжилось до разделения труда: скотоводство, земледелие, ремесло и специализация внутри их. Разум запустил в ход технический прогресс и от ручных орудий дошел до машин. Тем самым он заставил различные силы природы работать на себя и вместо себя.

К. Маркс и Ф. Энгельс прошли школу Гегеля. Они положительно оценили его диалектические идеи и не приняли идеализм. В качестве сущности была признана природная и социальная материя. Человек как природно-социальное существо выступает субъектом познания, в этой роли фигурируют социальная группа, класс, человечество. Познание исторически совершенствуется по мере развития материального производства и прогресса общественно-экономических формаций. Ведущее место в марксистской гносеологии приобрел принцип практики. Уже ранний Маркс сформулировал его для того, чтобы дистанцироваться от старого материализма. Вместе с тем Маркс критиковал идеализм, представители которого (Платон, Гегель и др.) оторвали деятельную сторону человека от его материальных основ и чувственности. В итоге такого размежевания сформировалась оригинальная концепция практики. Под последней была понята социально-материальная деятельность людей по преобразованию внешнего мира и общественного бытия. Были выделены три основных вида практики: материальное производство, социальная революция и научный эксперимент. Все они пронизаны единой и сквозной функцией: практика есть основа познания. Конечно, научные и мировоззренческие (идеологии) теории возникают вне практики, но конечное определение их достоверности может удостоверить только практика как универсальный критерий истины. Ключевое место в марксистской гносеологии занимает принцип отражения. Как таковой он детерминирован материалистической онтологией. Если природа и общественное бытие первичны, то сознание и познание с необходимостью вторичны и такая зависимость может быть только отражением. Такой процесс заключается в том, что свойства объекта переносятся в сознание человека, становясь специфическими образами.

В четвертом параграфе «Практическое познание в американском прагматизме» рассмотрена специфическая праксеология. Ее идейные основы заложены У. Джемсом, Ч. С. Пирсом, Дж. Дьюи и развиваются ныне в виде неопрагматизма (Р. Рорти и др.). Американские мыслители подвергли критике античный тезис о приоритете теоретического разума и представление о преувеличенной значимости познания как такового. Сознанию нельзя приписывать чисто познавательные функции, ибо для любой личности главным является выживание в конкретной природной и социальной среде. Установка на успешное приспособление делает сознание средством жизни, обеспечивающим выбор значимых впечатлений, выдвижение целевых проектов и их волевою реализацию.

Центральное место в прагматизме занимает понятие опыта, выражающее сложную связь человека с внешней средой. От последней исходит непрерывный поток влияний, и наша чувственность фиксирует их в виде впечатлений. Сами по себе они хаотичны и для организма являются сырым материалом, объективный и чуждый человеку поток надо сделать субъективно значимым достоянием. Такая переработка и является содержанием опыта. Воля, направляемая жизненными интересами, выбирает из хаоса впечатлений только необходимые данные. Этой чувственности интеллект придает рациональные значения, образуя тем самым ощущения, восприятия и представления. Такие единицы способны в дальнейшем превращаться в образы искусства, теории науки и спекулятивные учения. Но и без этих высоких перспектив эмпирический опыт позволяет человеку чувствовать себя в мире как дома.

Переход от старого опыта к новому Ч. С. Пирс представил в понятиях сомнения и верования. Речь идет о состояниях ума, сопровождаемых определенными психическими процессами. Переживание верования есть показатель того, что в нас существует некоторое знание (пропозиция, мнение), которое укоренилось в виде привычки. Она характеризует только одно – способность определять наши действия и успешно вести их к целям. Если мы верим во что-то, стало быть, это означает наличие привычной готовности действовать в определенной ситуации. Такое положение психически комфортно, дает душевный покой и переживается в положительных эмоциях. Совсем иначе обстоит дело с сомнением. Оно является беспокойным и неудовлетворенным состоянием, и главное, что оно вызывает паралич действия. И все же, хотя сомнение является нерешительностью, оно по-своему необходимо и играет конструктивную роль. Оказывается, что мы попали в проблемную ситуацию, где наличные верования выявили свою непригодность. Это вынуждает разум начать борьбу, направленную на достижение нового верования. Такой процесс умственной работы Пирс назвал исследованием.

Цель исследования вполне понятна, но как выработать новое мнение и сделать его верованием? Для ответа на данный вопрос Пирс оценивает четыре метода: «метод упорства», «метод авторитета», «априорный метод» и «метод науки». На первый взгляд, кажется, что из всех типов познания он

отдает безоговорочное первенство науке. Но это вовсе не так. Наука определяет лишь содержание исследования, цель которого сводится к выработке нового верования. Но как только переход от сомнения к вере состоялся, в полные права вступает практический опыт, стремящийся к достижению прагматической жизненной цели. Наука здесь подчинена практике, выступая одним из способов совершенствования опыта жизни.

В концепции Пирса опущены процессы становления и функционирования научного метода. Этот пробел попытался заполнить Дьюи, выдвинув схему научного мышления как системы из пяти актов. Первая ступень есть «чувство затруднения». Его вызывают различные конфликты: нарушение привычной связи внешнего стимула с реакцией организма, несовпадение наличных обстоятельств с желаемыми условиями, расхождение между целью и средствами. Важно одно: только деятельностное затруднение запускает работу мысли. Вторая ступень состоит в «постановке проблемы». Эмоциональное удивление играет лишь роль начального стимула. В дело вступает интеллект, и он пытается установить суть конфликта, что с чем не согласуется. Такой диагноз ситуации приводит к формулировке проблемы (что мы знаем, чего не хватает). Третья ступень – «выдвижение гипотезы». Чтобы решить проблему, следует найти должный метод, т. е. средство решения. Этот акт является самым сложным, ибо наличные ресурсы разума велики и обширны, но на единицах знания нет никаких указателей. Выбор когниций обречен на риск проб и ошибок, такой процесс в науке называется гипотезированием. Четвертая ступень – «анализ гипотезы». Когда вероятная идея приходит в голову, она требует должного обоснования. Ее обладатель может рассуждать о ее рациональной уместности в тиши кабинета, но в науке данный процесс выносится на публичную дискуссию. Критические и логические оценки устанавливают уместность инструментальной связи гипотезы с проблемой или отвергают слишком смелые предположения. Пятая ступень – «проверка гипотезы фактами». Хотя теоретические соображения значимы, последнее слово остается за опытом. В науке он специализирован, но суть его проста. Посредством дедукции из общей гипотезы выводят частные следствия, они являются предсказаниями возможных фактов. Их экспериментальный поиск двузначен: отсутствие реальных фактов ставит крест на гипотезе, совпадение предсказания с открытым фактом превращает гипотезу в достоверную теорию. Итак, единство пяти ступеней образует способ научного мышления, начало которого и конечное предназначение представлены практикой жизни.

Обучение есть неотъемлемый аспект развития жизненного опыта личности. Если исследование ориентировано на познание и овладение внешней реальностью, то «открытие» или обучение обращено к самой личности, оно развивает ее способности. При этом оба процесса являются взаимодополнительными сторонами единой деятельности опыта, образуя собой своеобразные сообщающиеся сосуды. Когда мы занимаемся бытовыми делами, осуществляем профессиональную работу, развлекаемся на досуге, мы вносим изме-

нения в окружающую среду. Однако вместе с тем мы совершенствуемся как личности, приобретая навыки хорошо организованного быта, умения опытно-го профессионала, культуру отдыха. Внешняя активность всегда оборачивается обогащением внутри нас. Такое обучение получается невольным и спонтанным. Если ребенку нравится манипулировать игрушками, то это он делает бесцельно и ненамеренно. И все же такая игра развивает его моторные навыки и тренирует способы восприятия. Самообучение извлекает уроки из деятельности помимо нашего сознания, хотим мы того или не хотим. Опыт ползания, хождения и многого другого мы приобрели подобным образом.

Совсем другое дело – школьное обучение. Оно имеет ярко выраженный социальный характер. Здесь воспитанием управляют учителя и основные усилия проходят с участием сознания. Усвоение школьных программ, где аккумулировано научное знание и другой сложный материал культуры, невозможно без разума и приемов логики. Чтобы быть эффективным, школьное образование должно уметь воспроизводить ситуации жизни. И здесь педагогов и учеников подстерегает ряд ловушек. Одна из типичных – ограничиться усвоением знаний как голых результатов. Если знания извлечены из контекста деятельности, они «мертвы». Такие представления трудно понять и невозможно применить в своей жизненной практике. Очень многие школьные значения остаются вне личного опыта учащихся и легко забываются. Дьюи ратовал за внедрение в школу проблемного обучения, методика которого выстроена по его модели полного мышления.

Итак, классическая эпистемология имеет ряд несомненных достижений. В ее недрах возникли основные линии понимания практического познания, включая такие философские направления, как идеализм/материализм, теоретизм/эмпиризм и т. п. Если европейская мысль начала с недооценки практики (Платон), то рубеж XIX и XX веков принес ей высокую ценность (марксизм, прагматизм). И все же в целом праксеология оказалась в тени наукоцентризма. Различие эмпирического опыта и практического мышления оказалось только намеченным. Все эти проблемы предстояло решить неклассической теории познания.

Во второй главе **«Практическое познание в контексте неклассической эпистемологии»** дана характеристика основных форм неклассической теории познания. Неклассическая эпистемология уже не ограничивает поле своей рефлексии наукой и осваивает круг других предметов. Формы познания изучаются: а) в контексте биологической эволюции; б) во взаимосвязи с видами искусственного интеллекта; в) в соотношении многообразия социальных и культурных структур. Типичный выход за пределы науки демонстрирует наша рефлексия практического познания.

В параграфе **«Место познания животных и практического познания в эволюционной эпистемологии»** раскрывается взаимосвязь познания животных и человеческого познания. Один из ранних вариантов эволюционной теории познания создал австрийский этолог К. Лоренц. Речь идет о системе выводов, сочетающих научный и философский характер. 1. Жизнь представ-

ляет собой когногенез. Все жизненные структуры являются в неявном или явном виде воплощениями знания. Оно демонстрирует многообразие форм: а) молекулярные цепочки генома; б) клеточные пути нервной системы и мозга; в) инстинкты; г) ощущения и восприятия прижизненного опыта; д) мыслительные решения задач. 2. На эволюционной шкале все когнитивные структуры сначала возникли в индивидуальном опыте, а затем отбирались, закреплялись и совершенствовались в видовом и родовом опыте многих поколений. И. Кант ввел тезис об априорных, т. е. доопытных формах познания. Это справедливо и для животных, если речь идет об индивидах и небольшой череде поколений. Но уже для видов, не говоря о других, более широких группах жизни, познавательный опыт становится апостериорным. Эволюционная теория признает опытное возникновение и развитие всех познавательных аппаратов. 3. Жизнь развивается от закрытых познавательных структур к открытым. Ход эволюции выявил безусловную ценность генетических программ и инстинктивных реакций. В качестве обязательных установок они закрыты для отмены и пересмотра, но они открыты для дальнейшего развития. Это хорошо показывает решение обезьянами задач, где действует особое обучение и пробные действия осуществляются сначала в воображаемом пространстве и уже потом в моторных актах. Как раз эту небольшую свободу от ситуации и развивает культура человека.

Другой вариант эволюционной эпистемологии представил австро-британский философ К. Поппер. 1. Вместе с жизнью возникли проблемы, и все организмы – решатели проблем. Любая ситуация затруднения для единицы жизни является проблемой. Чем сложнее жизнь, тем сложнее ее проблемы: у амебы – одни трудности, у ученого – другие. Если простейшие решают свои проблемы бессознательно, то ученые делают это сознательно. 2. Все приспособления к проблемным ситуациям суть некоторые виды знания. Знание старо, как и жизнь. Все живое, начиная с растений, вооружено познавательным аппаратом. Как форма адаптации к среде он чрезвычайно многообразен в своих эволюционных формах (орган, инстинкт и т. п.). Как инструмент знание делает все действия единиц жизни не реакциями, а акциями. Организмы активно выбирают значимые для них объекты. 3. Проблемы решаются пробными гипотезами и актами, чреватými ошибками. Среда непрерывно меняется, и аппарат организмов обречен на гадательную стратегию: план – ожидания – действия. На один успех приходится ряд неудач. За ошибку естественный отбор устраняет организм, оставляя успешных на арене жизни. Изобретя словесный разум, человек жертвует только гипотезами. Основное достоинство теории Поппера заключается в том, что он с единой позиции рассмотрел эволюцию животных и историю человека. Сквозная схема здесь: проблемы – гипотезы (опровержения у человека).

Примечательная черта актуальных исследований жизни – усиление междисциплинарности. Стремление к такой интегративности вполне естественно, так как отдельные научные дисциплины узки для феномена жизни. Основными формами междисциплинарности выступают теория информации

(информатика), синергетика и сравнительная психология. В этих исследованиях человек предстает как продукт эволюции приматов, что позволяет проследить сквозные тенденции. Натуралистический подход дополняется и развивается культурно-исторической стратегией. Здесь отличие человека связывается с общественной практикой, мировоззренческим и научным разумом. Что касается животных, то понятие разума уступает место понятию интеллекта. Последнее более точно отражает познавательную специфику животных. Интеллект предполагает следующие факторы: 1) врожденную информацию; 2) память; 3) обучение; 4) мышление как принятие решений (Г. Бейтсон, У. Матурана, Ф. Варела и др.). Такое понимание интеллекта позволяет органично переходить к концепциям человеческого разума, учитывая язык, духовность и науку.

Современная наука дает убедительные подтверждения сложной специфики познания животных. Оно начинается с ощущений и восприятий – самых простых форм эмпирического опыта. Их двойственная структура очевидна: чувственные знаки и рациональные значения. Кроме ощущений и восприятий исследователи признают у животных наличие особых представлений. Англичанин Н. Хейс предпочитает термин «естественные категории». Они своеобразны: а) если ощущения и восприятия обязательно вызываются действием актуального сигнала, то представление существует без него в долгосрочной памяти; б) ощущения и восприятия имеют частный и специфический характер, представление отличается более высокой обобщенностью. Весьма убедительны опыты с мартышками-верветками (1982), где они продемонстрировали владение определенной классификацией. У марышек есть три грозных врага: орлы, питоны и леопарды. Соответственно существует и три разных сигнала, предупреждающих об опасности. Молодые обезьяны часто ошибаются: принимают за орла другую птицу, вместо леопарда указывают на бородавочника. Но примечательно то, что ошибки не выходят за рамки общих типов – наземные млекопитающие, птицы и змеи. Ученые предполагают, что у обезьян существуют врожденные предрасположенности к определенному способу реагирования на эти типы. Обучение же конкретизирует программы естественных категорий (наземные млекопитающие, птицы и змеи), доводя их до знания частных видов (леопард, орел, питон).

Наивысшей формой познания является открытие нового. Зафиксирован большой ряд случаев новаторства и изобретательства среди высших животных. В 2005 г. группа ученых наблюдала поведение орангутанов на индонезийском острове Суматра. Когда обезьяны находили внутри деревьев печелиный мед, то возникла главная трудность – в узкое дупло нельзя просунуть лапу. Была придумана орудийная технология: обламывался тонкий пруттик, один конец зажимался в зубах, другой проходил в отверстие, пруттик водили туда-сюда, затем вытаскивали и слизывали мед.

Все единицы жизни пребывают в биосообществах. Количество особей бывает разным: есть очень малые группы, коллективы со средним населением и очень большие объединения. Для общения с себе подобными требуются

определенные сигналы-знаки. Они образуют то, что можно назвать языком животных. Этологи признают, что у высших животных есть нечто подобное человеческому словесному языку. Этот язык состоит из знаковых репрезентаций, где есть своя лексика, грамматика и семантика. Так, «грамматика» и семантика степных собак сводится к следующему: а) простые однократные «гавки» сообщают о том, что ничего особенного не происходит; б) гавканья, следующие через правильные интервалы времени, сигнализируют о постороннем объекте; в) все убыстряющиеся «гавки» означают, что животное готово прекратить лай и убежать; г) нерегулярные «гавки» с удлиняющимися интервалами времени сообщают о том, что собака переключается на некоторые действия. Самый богатый репертуар языковых знаков у обезьян. Кроме касаний, мимики, жестов и поз шимпанзе способны производить и воспринимать 32 звука.

Познание животных не выходит за рамки биопотребностей и интереса к тому, что прямо связано с выживанием. Целевая активность существует там, где интеллект свободен от биопотребностей и способен выработать образ будущего результата. Такое предвосхищение и потребовалось в ходе производства орудий труда. Если палеоантроп создал в своем уме образ деревянного копья и затем приступил к его изготовлению, то налицо постановка цели. И это уже важный элемент человеческого сознания. Реализация цели, в свою очередь, требует другой формы интеллектуальной активности – выработки плана или программы. Речь идет о создании когнитивных структур, включающих средства достижения цели. Если цель указывает на «что» (то, что необходимо произвести), то программа разъясняет, «как» это сделать. Она включает указания на определенные акты и на их временную последовательность. Итак, создание новых целевых проектов и трудовых программ стало основным содержанием практического разума.

Во втором параграфе **«Современное понимание практического опыта и его форм»** анализируется несколько концепций познавательного опыта. Чилийская школа (У. Матурана, Ф. Варела) разработала концепцию автопоэзиса. Ее составили следующие идеи. Человек вписан в широкий контекст жизни, и его культура развивается на основе эволюции жизни. Жизнь как таковая неразрывно связана с познанием, демонстрируя многообразие его форм – от самых простейших до самых сложных. Чем проще единица жизни на эволюционном древе, тем проще и ее формы познания. Самые простые формы познания представлены единицами чувственного опыта, где сенсорные модальности несут элементарные рациональные значения (нейтрально/полезно/вредно). Поскольку человек как традиционный субъект познания здесь попадает в очень широкую компанию, Матурана и Варела ввели новое понятие «когнитивный агент». В этой роли выступает уже любая единица жизни – бактерия, амеба, рыба, млекопитающее.

Авторская концепция англо-американского ученого Г. Бейтсона возникла на стыке ряда научных направлений: кибернетики, информатики, биологии и антропологии. Ученому удалось разные идеи объединить в цельное

и оригинальное учение. Казалось бы, автор берет известные понятия, но, оперируя ими, добивается замечательных и интересных выводов. Ключевыми являются понятия информации и паттерна в их взаимной связи. В определении информации Бейтсон традиционен: сообщение, несущее в себе упорядоченную структуру различий. Она фигурирует в восприятии естественных феноменов и в явлениях культуры. Способов кодирования информации очень много, и они отличаются друг от друга разной степенью свободы связи сигнала и значения. В инстинктах, цифрах и иконах эта связь жесткая, в словах, символах и метафорах она гибкая. Что касается паттерна, то это упорядоченная структура, отличающаяся избыточностью, где одна явная часть указывает на остальные части целого. Если мы видим верхнюю часть дерева, то предполагаем наличие корневой системы, которая не видна. Любой живой организм выбирает часть различий и делает их информационными смыслами. Так, рецепторы выбирают из внешних сигналов различия, кодируют и превращают в ментальные образы. Их обобщение и репрезентация словами делают их идеями. Как таковое познание есть комплексный процесс и представляет собой цепь актов: различия физического мира – видимая карта (ментальные различия эмпирического опыта) – рисунок на карте (ментальность идей).

Где проходят границы индивидуального разума? Бейтсон полагал, что главное в ответе на данный вопрос – это не ограничиться какой-то узкой системой типа «обрубка». А их в науке развелось много: «ДНК» (гены), «организм», «таксон», «организм-среда» и т. п. Здесь нужен «полный контур систем», как того требует кибернетика. Исходный элемент этого целого представлен сознанием человека или интеллектом животного, они вписаны в соответствующие тела со всеми их органами, сенсорной и мышечной подсистемами. В свою очередь, тело связано с определенными техническими орудиями, активность которых направлена на природные и социальные объекты. Примеры и модельные конкретизации такой иерархической структуры (системы систем) разнообразны. Возьмем труд лесоруба, здесь мы имеем его профессиональное сознание, инкорпорированное тело с его руками, ногами и мышцами. Легко представить в его руках топор или бензопилу, обрабатывающие древесину. Итак, эпистемология Г. Бейтсона идейно пересекается с эпистемологией чилийской школы.

Таким образом, для практического опыта характерны следующие особенности: а) прямое и непосредственное познание реальности в виде ощущений и восприятий; б) единство сенсорных знаков и рациональных значений; в) приобретение итогов деятельности жизни; г) знания ради успешного действия; д) союз «знания-что» и «знания-как» с приоритетом рецептов. У каждой личности опыт индивидуально развивается, проходя возрастные стадии.

В третьем параграфе «Специфика практического мышления, его взаимосвязи с мировоззрением и наукой» представлены особенности мышления, связанного с практикой. Хотя опыт важен и необходим для жиз-

недеятельности, он имеет свои недостатки: пригодность для стереотипных ситуаций, неосознанность, частичное выражение в вербальном языке. Эту ограниченность преодолевает практическое мышление как образование, более сложное, чем эмпирический опыт. Новые ситуации здесь оцениваются в качестве практических задач, суть которых сводится к расхождению между целевым благом и необходимыми средствами. Выработка должного метода в форме плана-программы составляет важный этап процесса принятия решения. Его заключительной процедурой является реализация программы и получение проектного результата. В техническом изобретательстве и в современных процессах социальной практики (образование, здравоохранение, военное дело, действия в чрезвычайных ситуациях и т. п.) главной формой выступает практическое мышление.

Практичность является обязательной формой всех человеческих типов познания. Если взять мировоззрение, возникшее одновременно с практикой, то у него существуют свои духовные практики. Уже древние люди, изобретая мифемы души и духов, построили различные формы магии. Становление религиозных представлений о богах породило культовую практику. Образы прекрасного обернулись практическим творчеством искусства. Духовные ценности морали стали регулировать социальное поведение, т. е. практику межиндивидуального и межгруппового общения. Казалось бы, философия возникла как образец «чистого мышления», но если взять древние и более современные учения, то они воплощались в определенный образ жизни и, стало быть, порождали формы общественной практики (аскетизм индийских шраманов и йогов, софисты, киники, стоики, эпикурейцы и т. п.). Такой же поворот произошел и с наукой.

После того как наука стала фундаментальной и профессиональной, весь цикл производства знаний обрел самостоятельность. Такая независимость позволила возникнуть исследованиям, ориентированным на практику, – прикладным разработкам и техническим наукам. Первым шагом к новому союзу практики и науки стал технический проект. Речь здесь идет о создании весьма сложных устройств, удовлетворяющих новые социальные потребности. Сложная работа выпадает на долю ученых-прикладников. Они должны найти нужные теории среднего уровня и специфицировать их в соответствующие эмпирические обобщения. Такая дедукция позволяет спуститься с общих понятий на уровень особенного, она и составляет содержание прикладного исследования. Многие крупные проекты привлекают комплексы научных дисциплин: механику, электродинамику, химию и т. д. В этом случае прикладная дедукция от общего к особенному принимает междисциплинарный характер. Затем идеальные объекты и эмпирические обобщения преобразуются в технические объекты, параметрами которых выступают технологические свойства (сопротивление, усталость металла, жаропрочность и т. п.). Все параметры подвергаются математическому расчету. Инженерная разработка создает систему специфических технических объектов, что и дает искомую модель. Все воплощение в материалах и конструк-

циях рождает проектное устройство. Ярким примером может быть история возникновения механических часов.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего поиска.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Васюков, О. В. Возможен ли творческий синтез идей марксизма и прагматизма? [Текст] / О. В. Васюков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1(4). – С. 30–34.

Статьи в сборниках научных трудов и доклады на научно-практических и научно-теоретических конференциях:

2. Васюков, О. В. Основные принципы постмодернистской философии [Текст] / О. В. Васюков, В. Ф. Юлов // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна. – Киров: УФСИН, 2009. – С. 8–15.

3. Васюков, О. В. Практическое познание в философии прагматизма [Текст] / О. В. Васюков // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов X межрегион. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Т. 2. – Киров: Кировский филиал МГЭИ, 2009. – С. 8–13.

4. Васюков, О. В. Что ближе к неклассической эпистемологии: марксизм или прагматизм? [Текст] / О. В. Васюков, В. Ф. Юлов // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов X межрегион. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Т. 2. – Киров: Кировский филиал МГЭИ, 2009. – С. 14–21.

5. Васюков, О. В. Что игнорирует в познании постмодернизм? [Текст] / О. В. Васюков // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики эпохи постмодерна. – Киров: УФСИН, 2009. – С. 69–74.

6. Васюков, О. В. Ценности практического познания на фоне науки и мировоззрения [Текст] / О. В. Васюков // Ценности и оценки: проблемы философии и науки: материалы Всерос. науч. конф. 06.06.2009, г. Смоленск. – Смоленск, 2009. – С. 137–141.

7. Васюков, О. В. Как возможна компетентностная стратегия в современных образовательных коммуникациях [Текст] / О. В. Васюков // Социальные коммуникации и социальные науки в демократической России. 23–24 апреля 2009. г. Омск. – Омск, 2009. – С. 81–85.

Подписано в печать 21.05.2009 г.

Формат 64х80/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,3.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1188.

Издательский центр

Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674

10=